

Славяноведение, 2024, № 5, с. 67–78

Slavic Studies. Journal of Russian Academy of Sciences, 2024, No. 5, pp. 67–78

DOI: 10.31857/S0869544X24050065, EDN: YTLBQO

Оригинальная статья / Original Article

«Этимологический словарь славянских языков.
Праславянский лексический фонд»: проект, разработка,
состояние, проблемы, решения

© 2024 г. Ж.Ж. Варбот

Институт русского языка им. В.В. Виноградова Российской академии наук
(Москва, Российская Федерация)

zhannavarbot@yandex.ru

Аннотация. В статье освещаются важные аспекты работы над «Этимологическим словарем славянских языков» (ЭССЯ), грандиозным проектом, основанным на концепции выдающегося лингвиста академика О.Н. Трубачева. Описывается контекст возникновения и развития идеи создания уникального словаря, формулируются основные принципы реконструкции праславянского лексического фонда, положенные в его основу. Первоначальный замысел предполагает этимологизацию не только литературной, но и других страт всех славянских языков (историческая, диалектная и жаргонная лексика). Обозначаются насущные проблемы в мировой этимологической науке (кадровые, финансовые), которые испытывает и коллектив ЭССЯ, в силу которых он вынужден немного отступать от первоначального замысла. Однако основная задача остается неизменной, проблемы решаются путем ограничения праславянских производных третьей ступени и некоторых поздних образований славянских языков.

Ключевые слова: этимология, реконструкция, диалектология, праславянская лексика, лексикография, О.Н. Трубачев.

Ссылка для цитирования: Варбот Ж.Ж. «Этимологический словарь славянских языков. Праславянский лексический фонд»: проект, разработка, состояние, проблемы, решения // *Славяноведение*. 2024. № 5. С. 67–78. DOI: 10.31857/S0869544X24050065, EDN: YTLBQO

«Etymological Dictionary of Slavic Languages. Proto-Slavic Lexical Stock»:
The Project, Development, State, Problems, Solutions

© 2024. Zhanna Zh. Varbot

V.V. Vinogradov Russian Language Institute of Russian Academy of Sciences
(Moscow, Russian Federation)

zhannavarbot@yandex.ru

Abstract. The article highlights important issues of the work on the «Etymological Dictionary of Slavic Languages» (ESSYa), an impressive project based on the concept of the outstanding linguist, the academician O.N. Trubachev. The context of the origin

and development of the idea of creating a unique dictionary is described, and the main principles of reconstruction of the Proto-Slavic lexical fund, which formed its basis, are formulated. The initial idea assumes etymologization not only of literary, but also other strata of all Slavic languages (historical, dialectal and slang vocabulary). The urgent problems in the world etymological science (personnel, financial ones), which are experienced by the ESSJa team, are outlined, due to which it is forced to deviate a little from the original plan. However, the main task remains unchanged; the problems are solved by restricting Proto-Slavic derivations of the third degree and some late formations of Slavic languages.

Keywords: etymology, reconstruction, dialectology, proto-Slavic lexis, lexicography, O.N. Trubachev.

For citation: Zhanna Zh. Varbot «Etymological Dictionary of Slavic Languages. Proto-Slavic Lexical Stock»: The Project, Development, State, Problems, Solutions // *Slavic Studies. Journal of Russian Academy of Sciences*. = *Slavyanovedenie*. 2024. No. 5. Pp. 67–78. DOI: 10.31857/S0869544X24050065, EDN: YTLBQO

Из истории разработки словаря

Проект «Этимологического словаря славянских языков» (ЭССЯ)¹ был предложен О.Н. Трубачевым в 1957–1960 гг. и опубликован в 1963 г. под названием «Этимологический словарь славянских языков (праславянский лексический фонд). Проспект. Пробные статьи» (далее Проспект). Основная группа разработчиков была сформирована в Институте русского языка в 1961–1965 гг., с некоторыми последующими изменениями состава, никогда не превышавшего количества семи научных сотрудников. В настоящее время над словарем работают четверо лингвистов.

Актуальность проекта для середины XX в. определялась значительными успехами славянской исторической лексикологии, исследований в области словообразования и собственно этимологических исследований славянских и индоевропейских языков. Большую роль в актуализации этимологических проектов сыграла активизация диалектной и исторической лексикографии: появление диалектных словарей и начало разработок словарей исторических. Об актуальности проблематики праславянского словаря свидетельствует одновременное начало работы над похожими лексикографическими трудами в Германии, Чехии и Польше.

В Германии «*Vergleichendes Wörterbuch der slavischen Sprachen*» Л. Садник и Р. Айтцетмюллера опубликован в пяти выпусках (a–b) [Sadnik, Aitzetmüller 1963–1970], затем, после смерти авторов, работа над словарем прекратилась. В Чехии по проекту «*Etymologický slovník slovanských jazyků*» изданы два тома «*Slova gramatická a zájmena*» Фр. Копечного [Korešný 1973; 1980]. Этот труд уникален по тематике, тщательности разработки и этимологической значимости, но дальнейших публикаций не последовало. Работа над праславянским словарем, издаваемым в Польше («*Słownik prastowiański*», далее SP), была долго остановлена. После того как в 1974–2001 гг. вышли первые восемь томов (*a – *gyža), лишь в 2023 г. был опубликован т. 11 (*kqb(ъ)lati – *kyvati) [SP 1974–2023], тома 9 и 10 готовятся к печати.

Принципы создания словаря, проблемы и трудности

Характеризуя в Проспекте принципиальную новизну ЭССЯ, О.Н. Трубачев подчеркивал, что не только существовавшие праславянские реконструкции

¹ В статье источники и научная литература, за исключением нескольких позиций (в квадратных скобках), даются в соответствии с принципами ЭССЯ в круглых скобках, см. [ЭССЯ 1, 41–42].

Ф. Миклошича и Э. Бернекера, но и более новые проекты базируются на словниках, составленных по результатам этимологических трудов, объектом которых являлась преимущественно литературная лексика (см., например, брненский список [Кореšný 1981]). В отличие от известных словарей Ф. Миклошича [Miklosich 1886] и Э. Бернекера [Berneker 1908–1913], а также других проектов, словник ЭССЯ базируется на этимологическом анализе лексики всех славянских языков во всех стратах (литературный язык, исторический фонд, диалекты, жаргоны). При этом объем словника определяется представлением о праславянском языке как языке с развитой системой словообразования, способном обслуживать этнос с высокоразвитой социальной организацией, материальной и духовной культурой. Практически это означает, что фундаментом словника ЭССЯ должны были стать 15 этимологических словарей типа болгарского этимологического словаря [БЕР]. В задачи ЭССЯ входила не только реконструкция праславянского лексического фонда, но и создание своего рода справочника по этимологии. Из необходимости этимологизации лексики славянских языков как основы для реконструкции праславянского лексического фонда вытекает и третья задача: создание «справочника по праславянскому словообразованию» [Проспект, 13]. Очевидный колоссальный объем исследований, предполагаемый уже формулировками задач, кажется, все-таки не был осознан автором проекта, ориентировавшегося на словарь из десяти выпусков по 20 ал. [Там же, 36].

Трудности работы, связанные с необходимостью освоения постоянно нарастающего количества лексикографических источников славянской лексики с учетом первоначальных методических установок, были особенно остро осознаны составителями при переходе к лексике с чисто грамматическими по функции префиксами (**na-*), но автор проекта не считал возможным отход от заявленных принципов. Видимо, подобные же трудности испытал и краковский «Праславянский словарь», о чем свидетельствуют опубликованные первые его восемь томов. Краковский словарь SP сходен с ЭССЯ по объему этимологизируемого материала и по представлениям о праславянском словообразовании, поэтому (не утверждая определенно), думаю, не исключено, что именно с этими проблемами связано его определенное «замирение».

Практика создания ЭССЯ, особенно первых 13 выпусков, написанных целиком О.Н. Трубачевым, свидетельствует об ориентации автора проекта не только на этимологизацию лексики славянских языков как базы праславянской реконструкции, но и на включение в ЭССЯ славянской лексики, которая получает объяснение на базе реконструированного праславянского фонда, с широким охватом производных, в том числе производных третьей ступени, независимо от степени их этимологической прозрачности [Проспект, 27]. В ЭССЯ, наряду с **drobiti* – **drobъ* – **drobьnъ(jь)* входит и **drobьnica*, ср. аналогично **dvorьnikъ*, **dъždъevьnikъ*, также **domoltъkъ*². Такова же, в сущности, и практика SP (см. те же позиции). При структурном соответствии славянских лексем определенной праславянской реконструкции, разброс их значений как правило не оговаривается, поскольку признается реальность семантических изменений первичного значения лексемы.

Коллектив авторов ЭССЯ руководствуется этими методическими установками и не отходит от них: мы не можем отказаться от этимологизации лексики

² Кстати, именно разработка славянских производных различных ступеней в ЭССЯ вызвала особенно острые замечания В.Б. Крысько в его рецензии, где он критикует ЭССЯ за то, что словарь становится тезаурусом праславянского словообразования и его отражения и развития в славянских языках [Крысько 2014, 118].

славянских языков в их разных состояниях как базы праславянской реконструкции, от ориентации на диалектное членение праславянского языка, на реальность специфических лексических схождения славянских языков и реальность праславянских диалектизмов.

Между тем, очевидная трудность отражения в ЭССЯ этимологического анализа лексики 15 славянских языков (по типу статей в болгарском словаре [БЕР] или в [Фасмер]) в сочетании с допуском многоступенчатой производности усугубилась к настоящему времени трудностями кадрового порядка и проблемой финансирования публикации. Назрела необходимость ускорить темпы работы над ЭССЯ путем сокращения объема словника для будущих выпусков.

Основанием для сокращения словника ЭССЯ служит параллелизм развития словообразования в истории отдельных славянских языков. Этот параллелизм предписывает осторожность в отнесении к праславянскому состоянию производных образований (особенно далее второй ступени). Соответственно, основное внимание следует уделять критериям оценки производных.

Очевидна необходимость учета в отношении каждого производного слова диахронических характеристик словообразовательной структуры слова: степень древности и продуктивности модели, наличие в слове чередований, как в корневых, так и в словообразовательных морфемах, наличие неславянских цельнолексемных соответствий и, что весьма существенно, возможность праславянской реконструкции производящей основы как цельной лексемы. Еще один критерий — представленность лексемы в славянских языках. Признание реальности праславянских диалектизмов допускает реконструкцию праславянской лексемы даже на основе единичной реализации. Подобные реконструкции в ЭССЯ вызвали постоянную критику Ф. Славского на страницах SP (116 статей под звездочкой), что, в свою очередь, породило недоумение польского рецензента [Lewaszkiwicz 2020, 14], отметившего противоречие между этой критикой и собственным признанием Ф. Славским наличия праславянских диалектизмов. Правда, в SP случаи праславянской реконструкции на базе одной фиксации слова в славянских источниках крайне малочисленны. Очевидно, что количество языковых отражений праславянской лексемы может толковаться в пользу ее праславянской древности. Но здесь появляется проблема семантического тождества/семантической близости/семантических различий слов-рефлексов. Признание вероятности семантических изменений праславянских лексем в истории славянских языков не отменяет проблему надежности генетического отождествления структурно тождественных славянских слов в качестве праславянских рефлексов. Степень надежности подобного отождествления уменьшается с усложнением структур, особенно с продуктивными словообразовательными морфемами, т.е. с увеличением ступеней производности возрастает вероятность параллельного словообразования.

Основываясь на этих соображениях, мы считаем возможным свести до минимума включение в словник реконструкций славянских производных третьей ступени, оставляя только случаи семантического тождества соответствующих групп славянских рефлексов. Очевидно, сокращение текста за счет производных незначительно, но это дает выигрыш не только в объеме будущей публикации, но и во времени по написанию словаря.

При наличии частичного (группового) тождества признается вероятность как праславянской древности, так и параллелизма в истории славянских языков. Например, **pętak*³:

³ Далее приводится материал соответствующей статьи в т. 43 ЭССЯ, готовящемся к публикации. Выделение жирным шрифтом сделано только для настоящей публикации.

болг. *neták* 'прежняя медная или никелевая монета стоимостью в 2½ стотинки; (перен.) что-л. незначительное' (БТР 547), диал. *neták* (*netaché*) 'пятачок' (Ив. Кепов // СБНУ XLII, 272), *ném'ák* 'кусок, полоска' (Ковачев Ст. Троянск. // БД IV, 217), *neták* 'пятница' (Бунина. Г-р ольшанских болгар 39), макед. *netak*, *-ци* арх. 'пятак' (Димитровски и др. РМЖ / Конески 157), сербохорв. *petak* 'пятерка, quinarus, денежный знак' (Belost., Bart.) (Mažuranić II, 913), *nětāk*, *netāka* м.р. 'пятиклассник, солдат пятого полка, пятерка (денежный знак), пятилетний мальчик' (Толстой 593), *petak* 'пятилетний ребенок или животное' (Mikalín, Belín, Bjelost., Stulic, Vuk), 'крупный денежный знак равный пяти мелким (Vuk); размер бочки равный пяти меньшим (Славония); один из пяти опанков, вырезаемых из одной кожи (в Лике); груды в пять снопов (в морав. Сербии); камешек в детской игре' (в Лике и Темнич) (RJA IX, 810), диал. *pětāk*, *-āka* 'размер бочки равный пяти меньшим; пятилетний конь' (Peić, Bačlija. Rečnik bačkih Bunjevaca 238), *neták* 'ковёр размером 5×4 аршина' (Живковић. Пиротск. 113), словен. *peták* 'стоимость в пять динаров; прежде австрийская банкнота в пять золотых динаров', (диал.) обычно в сочетаниях: *gosak petak* 'пятилетний гусак' (SSKJ III, 581), *petak* quinarus (Kastelec — Vorenc 278), *pětak* 'пятница' (Sl. Prekmurja 431), чеш. *pět'ak*, *-u* 'пятак, пятерка; (Прежде) четверть златого' (PSJČ IV, 1, 221), *paták*, *-u* 'монета в пять грошей; (морав.) четверть гроша; (слвц.) семь крейцеров' (Kott II, 508; Kott. Dod. k Bart. 75), диал. *paták* 'старая медная монета; (валаш.) горшок в пять мерок (žejdlíkū)' (Bartoš. Dial. sl. morav. 283; Jindřich. Chodsk. 208)), *pětāk* 'нож за пять крейцеров' (Kott. Dod. k Bart. 76), ст.-слвц. *pātāk* [*pā*-, *pa*-, *pe*-] 'пятилетний молодец; монета достоинством в пять единиц (динаров и т.п.), грош; монета достоинством в 1¼ динара, 6¼, 7½, 10, 5, 2, 5 дин.' (Histor. sloven III, 491), слвц. *piatak* (нов.) 'ученик пятого класса, пятого года обучения (в школе)' (SSJ III, 65), слвц. диал. *pātāk* (*pie'ak*, *piaták*), центр.-слвц., зап.-слвц. устар. 'монета в десять галеров' (Sloven. nár. II; 759), в.-луж. *pjatak*, *-a* 'пятый (слуга), пять крейцеров' (Pfuhl 457), польск. *piątak*, диал. *piętak* 'монета стоимостью в пять самых мелких монет (диал.) сорт меда' (Warsz. IV, 136—137; Sl. gw. pol. IV, 84, 101), помор. *piątāk*, *piątāk* 'пятница' (Lorentz. Pomor. Wb. II, 1, 26), русск. *пята́к*, *-а́* (простореч.) 'монета в 5 копеек, сумма в 5 копеек' (Ушаков III: 1090), диал. *пята́к* 'небольшое ровное место, где гуляет молодежь; окно с чистой водой в болоте' (ворон.), 'небольшой карась' (свердл.), 'небольшое круглое пятно (в окраске змеи)' (псков.), *чушиный пята́к* 'пятачок свиньи' (Р. Урал) (СРНГ 33, 218), 'пятно, (экспр.) лицо' (Селигер 5, 225), 'синяк, ушиб' (Сл. рус. г-ров Прибайкалья О-Р, 128), 'мелкая камбала' (Мызников. Рус. г-ры Беломорья 352), 'предмет, который прячут в ладонях в игре «колечко, золото хоронить», игрок, у которого колечко' (Востриков. Традиционная культура Урала IV, 56—58), *раскаты́ть пята́к* 'преувеличить' (Сл. перм. г-ров II, 253), разговор., жарг. *пята́к* ('пренебр.) что-л. числом или количеством пять единиц; (груб.) о лице или носе человека' (Сл. разговор. речи 516), (шк.) 'оценка «отлично», (арест, угол.) 'пять лет лишения свободы, холодное оружие «наладонник», место сбора воров', (молад.) 'место встречи гомосексуалистов, проституток и т.п., анальное отверстие, лодырь, глупый, некрасивый мужчина', (нарк.) 'окурок папиросы с гашишем' (Мокиенко, Никитин. БСЛРусЖарг 494; Сл. молод. сл. 443; Сл. тюрем.-лагер. 202), *надавать пятаков* (одобр.) 'неожиданно для всех ответить четко, ясно, без запинки' (Аннушкин. Сл. шк. жарг. 226), ст.-укр. *пѣтакъ (пѣтока XV в.) 'пятилетний конь' (Сл. ст.-укр. мови XIV—XV ст. II, 281), укр. *п'ята́к*, *-а́* (разгов.) 'пятикопеечная монета', (перен.) 'небольшая площадь, огороженный чем-л. участок земли' (СУМ VIII, 420), диал. *п'ята́к* 'бревно длиной в 5 сажени' (Онишкевич. Сл. бойк. г-рок II, 165), 'две с половиной копейки' (Сл. укр. г-рів Одещини 167), *п'ата́к*, *-а́* 'ученик пятого класса' (Чабаненко. Сл. нижн. Наддніпр. 3, 303), 'пятикопеечная монета, (устар.) связка из пяти снопов соломы для покрытия крыши' (Корзонюк 205), *п'єт а́к*, *-а́* (гончар.) 'большой горшок емкостью в 18 литров' (Шило. Наддністр. сл. 199), ст.-блр. *пятак*, *пятак* 'пятилетнее животное' (1565, 1588, 1593 гг.) (Гістар. сл. белар. мовы 24, 271), блр. *пята́к*, *-ка́* (разгов.) 'пятак' (БРС/ Крапива 771), диал. *пята́к* 'мера вытрепанного льна' (Атлас белар. г-рак 4, 64), 'пята часть надела, укладка из пяти снопов' (Сельская гаспадарка 181, 189; Сцяшкови́ч. Грод. 407), 'открытая площадка для танцев' (Сцяшкови́ч. Слоўн. 395), 'высокое людное место' (Яшкін. Блр. геагр. назвы 160); сюда же русск. диал. *пята́ка*, *-и* м. и ж. р. 'лошадь на пятом году жизни' (Сл. донск. казачества 440).

Сущ., производное с суф. *-акъ* от числ. **pěť* (см.)⁴ или **pěťbъ* (см.).

⁴ Здесь и далее (см.) означает отсылку к соответствующей статье в ЭССЯ.

Как видим, здесь очевидна реализация разных мотиваций наименования предмета: пятый по счету, обладающий другим количественным признаком ('лошадь на пятом году'), состоящий из пяти частей, пятая часть, с разнообразными переносными значениями. Это свидетельствует о наибольшей вероятности наслоения на праславянскую семантику параллельных (хотя иногда и тождественных) изменений в истории славянских языков.

Нам импонирует предложение польского рецензента [Lewaszkiewicz 2020, 14] отмечать знаком вопроса спорные в каком-либо отношении статьи ЭССЯ, но мы не можем отойти от принятого автором проекта формального представления. Полагаем, что сомнения могут высказываться в тексте статей.

Современное состояние работы над ЭССЯ

К настоящему времени изданы 42 выпуска ЭССЯ (1974–2021), содержащие реконструкцию и этимологизацию праслав. лексики в объеме **a* – **perzъ*; ведется работа по написанию 43 выпуска, ориентировочно **petьl'a* – **plъvati*. Представляется необходимым остановиться подробнее на реализации в ЭССЯ принципа максимального привлечения в исследование диалектного материала. Общеизвестно, что в этимологических исследованиях диалектная лексика расширяет и обосновывает представления о языковой и территориальной представленности лексем, их фонетических, морфологических и словообразовательных вариантах и преобразованиях, их семантическом объеме и реализации в разных сферах функционирования языка, что создает условия для уточнения этимологических результатов, в том числе – лингвогеографических характеристик лексем и обнаружения праславянских диалектизмов⁵.

Как и в предыдущих выпусках, в исследование вовлекается по возможности максимальный доступный диалектный материал. Ниже излагаются некоторые результаты расширения славянской диалектной базы для решения проблем реконструкции и этимологизации праславянской лексики в процессе подготовки 43 вып. ЭССЯ (**petьl'a* – **plъstь*).

I. Впервые в праславянский словарь вводятся как самостоятельные позиции **два непроеизводных праславянских существительных**, производящих для суффиксальных существительных.

1. **rěszъ*: непроеизводное существительное индоевропейского происхождения, являющееся производящей основой для праслав. **rěszkъ* (см.); возможность существования праслав. **rěszъ* предполагается в связи с наличием непроеизводных и.-е. соответствий: др.-инд. *pāṁsú* 'пыль, песок', авест. *pąsnuš* 'то же' (см. **rěszkъ*). Собственно славянские основания для реконструкции непроеизводного существительного, при отсутствии его непосредственных продолжений в славянских языках, немногочисленны, но все-таки должны быть рассмотрены ввиду наличия противоречивых толкований некоторых производных образований в различных славянских языках. Авторы «Этимологического словаря старославянского языка» [ESJS 11, 639] впервые обсудили в этимологическом словаре возможность реконструкции непроеизводного праслав. **rěszъ* и обобщили некоторые материалы для этой реконструкции: русск. *супесь*, н.-луж. *pěs* (которое Шустер-Шевц считает вторичным образованием (Schuster-Šewc. Histor.-etymol. Wb. 14, 1058), польск. *piach* 'песок' – вероятнее всего,

⁵ См. публикации последнего времени: о соотношении гапаксов славянских диалектов и праславянских диалектизмов [Варбот 2018, 35–40], о восточнославянских праславянских диалектизмах [Куркина 2021, 128–153]. Кстати, прошу считать принципиально противоречащей позиции авторского коллектива ЭССЯ статью А.К. Шапошникова [Шапошников 2021], хотя он был одним из авторов ЭССЯ (вып. 34–42).

экспрессивное образование от *piasek*, чеш. диал. морав. *písnik* ‘высокий берег, где добывают песок’ — «возможно, младший дериват при регулярном чеш. *písečnik*» [ESJS 11, 639]. Этот материал можно дополнить местными названиями и гидронимами, в которых, однако, можно предполагать фонетическое упрощение исконных структур с *-šč-*: словен. *Pešnica*, *Pešenka*, *Pšenk* < **pěščēn-* (Bezljaj. Sl. v. imena II, 87), словен. *Pěsnica*, *Pšnica*, чеш. *Pisnica*, польск. *Piaśnica* < **pěš-čēnica* (Snoj. Etym. sl. sloven. zemljepisn. imen 303, 308), однотипные н.-луж. стар. *Pěsnica* (Muka II, 33), кашуб. *Pjōšnica* (Ramuł. Sł. Kaszub. II, 36), апеллятив укр. *пісниця* ‘земельный участок с песчаным и глиняным грунтом; место добычи песка’ (Сл. народ. геогр. терм. Кіровоградщини 148). Необязательно, однако, видеть фонетическое преобразование *песчина* в русск. диал. *пешина* ‘песок’ (арханг., олон. СРНГ 27, 13). Но есть еще образования, где невозможно или маловероятно упрощение групп согласных. Это болг. диал. шумен. *песовник* ‘песчанник’ и *песуляк* страндж. ‘вид почвы’, пирот. ‘оползень на горе’, которые авторы «Болгарского этимологического словаря» считают производными от праслав. **pěšъ* ‘песок’ (БЕР 6, 132), и русск. диал. *песьяной* ‘песчаный’ (см. **pěščanъ(jь)*), *песной* ‘песчаный’ (см. **pěščъnъ(jь)*), *песовый* ‘песочного цвета’ (см. **pěškovъ(jь)*), *песовина* ‘песчаное место на реке, мель’ (см. **pěškovina*). В этих болгарских и русских диалектизмах можно предполагать обратное образование от **pěšъkъ* (при восприятии *-ъkъ* как суффикса уменьшительности), но, с другой стороны, допустимо предположение, что эти диалектизмы являются (как и русск. *сунесь*) производными от праслав. ***pěšъ*, непосредственные продолжения которого в славянских языках вытеснены производным **pěšъkъ*.

2. Относительно праслав. **plěsnъ* преобладает версия о структуре с суффиксом *-snъ*, см. (Brückner 418; Machek² 460; Skok II, 683; Schuster-Sewc. Histor.-etym. Wb. Sorb. Sp. 1103; Králik 446; Rejzek 476; Фасмер III, 279; БЕР 5, 336–337; ЕСУМ IV, 449). О суфф. структуре см. (Sławsky. Zarys I, 118). Однако Скок предположил существование производящего **plěšъ*: сербохорв. *plijes* м.р. ‘плесень’ (Mikašin, употреб. в Далмации) (RJA X, 1, 62), словен. *plēs* м.р. ‘плесень’ (Plet.² II, 56), *plēs* (plēs), то же (Egjavcs LMS 1880, 170), *ples* ‘то же’ и (арг.) ‘грибковая болезнь’ (Zatolmin. 44), к которым теперь присоединяются кашуб. *ples*, *-e* м.р. ‘плесень’ (Sychta IV, 73) и имена с *-i-* основами: польск. диал. *plesz* ‘плесень’ (M. sł. gw. pol. 192), *pleś* ж.р. ‘плесень’ (Olesch. Annaberg 207), помор. *ples*, *-e* ж.р. ‘плесень’ (Lorentz. Pomor. Wb. I, 634), русск. диал. *плесь* ‘плесень’ (ряз., орл.) (СРНГ 27, 119), ‘плесневая пучка, зонтичное растение с горьким стеблем’ (Сл. рус. г-ров Низовой Печоры 2:47), блр. диал. зап.-гом. *плесь* ‘налет на квашеной капусте’ (Дыял. атлас белар. мовы 4).

Существительные с *-o-* и *-i-* основами могут быть результатом фонетического упрощения **plěsnъ* (см. особенно *-i-* основы), что вероятно в истории отдельных языков (ср. русск. разгов. и диал. *жись* < *жизнь*). Однако не исключена также возможность субстантивации прилагательного ***plěšъ*, родственного с лит. *pelėti*, *pelėja* ‘плесневеть’, лтш. *pelēt* то же, лит. *pālšas* ‘светло-серый (только о скоте)’, лтш. *pālss* ‘то же’, при общем происхождении из и.-е. **pel-* ‘серый’ (Pokorny I, 805). (См. Snój 453; Boryś 441, допускает сущ. **plěšъ*; Bezljaj 3: 55 (с доп. М.Ф. по Сною); ЭСБМ 9, 190–191.)

Принятие реконструкции праслав. **plěšъ* (см.) позволяет предполагать для **plěsnъ* другую словообразовательную модель: от **plěšъ* с суффиксом *-nъ*, возможно, через ступень прилагательного **plěsnъ*: см. ст.-слав. *плѣснь* ‘заплесневелый, серый’ (Zach.), реальность которого подвергается сомнению (см. ESJS 11, 657), или ***plěšъnъ* (см. Snój 453; Bezljaj 3, 55, доп. М. Фурлан по Сною; Boryś 441; ЭСБМ 9, 191).

II. Диалектные материалы служат основанием для новых этимологических толкований.

1. Праслав. **pětatī*:

русс. диал. *pěmatъ*, -аю несврш. ‘бить, колотить’ (зап., твер., курск., южн.), ‘мучить, терзать, изнурять’ (волог., вят.), ‘выполнять тяжелую работу’ (арханг., курск., сарат.), ‘едва, через силу говорить’ (олон.), ‘знать, понимать’ (арханг.) (СРНГ 26, 325; также Даль² III, 105; Дилакторский. Сл. волог. наречия 424; Волог. словечко 198; Сл. вят. г-ров, 260), ‘трудиться’ (Новг. обл. сл. 7, 134), ‘давить, душить’ (Дуров. Сл. помор. яз. 296), ‘понимать, соображать; топтать, мять’ (Сл. рус. г-ров Карелии 4, 490), ‘с усилием тащить; до предела класть, пихать’ (Устьян. народ. Сл., 239), ‘быстро, с аппетитом есть’ (Сл. волог. г-ров. *Полка – по-рядному* 52), *pěmatъся*, -аюсь ‘стараться, трудиться, усиленно заниматься чем-л.’ (арханг., волог. север., вят., новг., посков., смол., курск., брян., колым.), ‘сильно уставать’ (волог., новгор.), ‘добиваться чего-л., заботиться о чем-л.’ (север., курск.), ‘ходить взад и вперед, шататься’ (мурман.), ‘торговаться’ (тамб.) (СРНГ 26, 325–326; также Даль² III, 105, 550; Дуров. Сл. помор. яз. 296; Псков. обл. сл. 26, 81; Дилакторский. Сл. волог. наречия 358; Мосеев. Поморьска говора 94 и др.), ‘мучиться’ (Сл. волог. г-ров. *Полка – по-рядному* 52–53), то же и ‘баловаться, шалить; буяннить, безобразничать’ (Сл. рус. г-ров Карелии 4, 490), *pěmatъся* ‘отбиваться, корячиться (во время борьбы)’ (Богораз 106; Зотов. Сл. лекс. Сев.-Вост. России 35), *pěmatъся* и *pěxtatъся* ‘усиленно или изнеможенно возиться с чем-л., делать тяжелую или кропотливую работу’ (Устьян. народ. сл. 239), блр. *pětaць* ‘бить, колотить’ (Носович 542); сюда же соотносительное русск. диал. *pěmиться*, -чусь ‘стараться, трудиться, усиленно заниматься чем-л.’ (перм.), ‘добиваться чего-л., заботиться о чем-л.’ (СРНГ 26, 327), производные русск. диал. *pětovatъ*, -аю и *pětovátъ*, -аю ‘бить, колотить’ (зап., южн., брян., смол.), ‘мучить, тиранить’ (СРНГ 26, 328), *pětovatъся*, -туюсь ‘поднимать что-л. тяжелое’ (калуж). (СРНГ 26, 328), укр. диал. *pětuvatъ*, -ую ‘мучиться, страдать от тяжелой работы’ (Чабаненко. Сл. нижн. Наддніпр. 3, 109), блр. диал. *pěтаваць* и *pěтывыць* ‘бить’ (Бялькевіч. Магіл. 326), *pěтавацца* ‘непосильно, тяжело работать’ (Стрэшин, правобер. Днепра) (Живое слова 118); сюда же относят (вероятно, как производное от утраченной *-*nr*-основы) болг. диал. *pětnim* ‘воспитывать, обучать, исправлять’, *‘гнать’ (*pětni врага до прага*) (БЕР 5, 202); сюда же производные сущ.-ные русск. диал. *pětarъ* м.р. ‘слишком старательный, работающий человек’ (волог.) (СРНГ 26, 325), *pětarіца* ‘старательная, работающая женщина’ (волог.) (СРНГ 26, 325), блр. *pěтун* ‘обжора’ (Бялькевіч. Магіл. 326).

Существующие этимологические версии вызывают критические замечания: производность от *pěxtatъ* (Преобр. II, 52), что сомнительно фонетически (русс. диал. устьян. *pěxtatъся* при *pěmatъся* – результат народной этимологии); родство с греч. *παίω* ‘бить, толкать’ (Носович 542), не учитывающее греч. корневое **и* в греч. глаголе; родство с **pītatī* и соответственно происхождение из гнезда и.-е. **pēǵ(ə)* – ‘быть тучным, изобиловать’ (Соболевский ЖМНП 1886, сент., стр. 145 и РФВ 15, 412; Фасмер III, 251; Куркина Этимология. 1972. М.: 1974, 60–64; ЭСБМ 9, 106–107), не объясняющее семантику ‘бить’, см. критику толкования болг. материала, аргументирующего семантику давления для **pītatī* (БЕР 5, 203, 264: *numa*).

Опираясь на значения ‘совать, пихать’ (см. выше русск.), ‘топтать, мять’ и ‘бить, колотить’ (русс., блр.), которые могут как первичные объяснить появление вторичных ‘быстро, с аппетитом есть, мучиться(ся), трудиться, стараться, добиваться’ (вост.-слав.), можно предположить глубинное, на и.-е. уровне,

родство **pětati* с **pъxati* / **pěšiti* — соотношение двух глаголов как и.-е. однокоренных вариантов с различными детерминативами: *s* в **pъxati* и *t* в **pětati* при и.-е. корне ***pei-* / **poi-* с семантикой давления (для иранских языков предполагается, хотя и с сомнениями, корень **pai-* / **pi-* ‘раздроблять, раздавливать’, см. Эдельман ЭСИЯ 6, 83). Ср. и.-е. **pē(i)-* / **pī-* ‘вредить, повреждать’: гот. *faian* ‘ненавидеть’, др.-инд. *pīyati* ‘хулить’ (Pokorny I, 792; LIV 459–460, в последнем весь материал подвергается сомнению: гот. — как темный, вед. — как контаминация).

2. Русск., укр. и блр. глаголы дали основу для реконструкции вост.-слав. диалектизма праслав. языка:

***pětriti** / ***pětrati**: русск. диал. *nětrить* ‘понимать, соображать’ (волог., костр., влад., пенз., смол., моск., тамб., свердл., кемер., новосиб, курган.) (СРНГ 26, 329; также Сл. перм. г-ров II, 97; Псков. обл. сл. 26, 88; Сл.рус. г-ров Респ. Мордовия II, 809), ‘объяснять’ (Сл. вят. г-ров 7, 260), ‘ощущать, чувствовать (о руках)’ (Сл. рус. г-ров Карелии 4, 492), разгов. *nětrить* ‘понимать, соображать; разбираться в каком-л. вопросе’ (Сл. разгов. речи 435), то же и ‘воровать’ (Сл. народ.-разг. речи г. Архангельска I, 131), жарг. *nětrить* ‘понимать что-л., знать что-л., догадываться о чем-л.; (угол.) проговариваться, нечаянно выдавать какую-л. информацию’ (БСЖ 431; Сл. тюрем.-лагер. 174), *nětrиться* ‘(угол.) догадываться о чем-л.’ (БСЖ 431), блр. диал. *něтрыць, nєтрыць* ‘понимать’ (Народная лексика Гомельшчыны 112; Сл. Віцеб 2, 142; Янкоўскі III, 94; Сцяшковіч. Сл. Грод. 357; Сл. паўн.-заход. Беларусі 3, 510), ‘понимать, соображать’ (Живое наша слова 174);

укр. *něтрати, -аю* разг. ‘понимать’ (СУМ 6, 345), диал. *něтрати, -раю* ‘понимать’ (Вашенко. Сл. полтав. I, 73; Москаленко. Сл. діал. Одес. 56).

Глаголы обычно признаются трудными, существующие версии: родство с **pěti se* (Брандт РФВ 23, 292; Преображенский II, 166; Bezlaž 3, 31; Фасмер III); с **pětiti* (ЭСБМ 9, 108); образование от собств. имени *Петро* (ЕСУМ 4, 361). Наиболее вероятна производность от **pětati* ‘давить, бить’ (см.) с экспрессивным *-r-*, предположение см. (Елистратов. Толк. сл. рус. сленга: 288), ср. русск. диал. *něтать* ‘топтать, мять; понимать, соображать’ (Сл. рус. г-ров Карелии 4, 490), болг. диал. *něтним* ‘воспитывать, обучать, исправлять’ и *петрять* ‘шупать, проверять руками’ (Громов. Жгон. яз. 59) и русск. простор. *вбить в голову* ‘объяснить, вразумить’.

3. Семантика движения послужила основанием для отделения от глагола **pěditi* со значением ‘измерения пядью’ глаголов

***pěditi (se)** II / ***pědati (se)**: чеш. редк. *píditi, píditi se* ‘сильно спешить’ (PSJČ IV, 1, 236), *píditi* ‘вытекать’ (Bartoš. Dial. sl. morav. 288), *páditi* ‘тянуть с трудом (например, о коне, корове)’ (Bartoš. Dial. sl. morav. 276), слов. *páditi* экспр. редк. ‘быстро бежать’ (SSJ III: 8), *piaditi* книжн., редк. ‘бежать, убегать, стремиться’, *piaditi sa* редк. ‘спешить’ (SSJ III, 65), русск. диал. *пядить* ‘попадать, бить чем-л. по чему-л. (напр., при игре в бабки)’ (олон.) (СРНГ 23, 210);

Возможно также сербохорв. *pědati, pědām* ‘медленно, вяло идти; копаться; говорить неясно, тягуче’ (Stulić, Popović) (RJA IX, 751).

Предполагается исходный праслав. глагол **pěditi*, родственный праслав. **pъditi* ‘гнать, побуждать’ (см.) и восходящий к и.-е. **(s)pend-* ‘тянуть, натягивать’ (производному от **(s)pen-* ‘тянуть’), с семантической реконструкцией ‘тянуть на веревке’ → ‘гнать’, при родственном лит. *spėsti, spėndžia* ‘устанавливать ловушку, западню’.

4. Предлагаем новое этимологическое толкование для **plovьta* / **plujьta* / **plyjьta*:

**plovьta* / **plujьta* / **plyjьta* русск. диал. *плóйма* ж.р. ‘множество, большое количество кого-л., чего-л., о детях’ (псков., смол., брян.), ‘о скоплении насекомых, червей’ (смол.), ‘о детях в многодетной семье или стечении их где-л.’ (брян., смол.) (СРНГ 27, 145–146; также: Расторгуев. Сл. рус. г-ров Зап. Брянщины; Добровольский 606; Сл. рус. г-ров Респ. Мордовия II, 824), блр. *плóй-ма* ж.р. (разг.) ‘большое количество, уйма; (о людях) скопище, орава’ (БРС / Крапіва 697; Байкоў, Некрашэвіч БРС 239; Готовец, Мясникова. Блр.-рус. сл. 166), диал. *плóйма* ‘множество чего-л.’ (Дыял. сл. Брэстчыны 168; Сцяшковіч. Грод. 375; Шатэрнік. Кр. сл. Чэрвен. 218 и др.), ‘орава’ (Касьяровіч. Віцеб. сл. 244), ‘множество, дети, детвора’ (Бялькевіч. Магіл. 333), ‘гурьба детей; пух’ (Чалавэк. Тэмац. сл. 17, 13 и др.), ‘табун, стадо коров, овец’ (Жывёльны свет 104, 109; Атлас блр. г-рак 1, 31);

блр. диал. *плўйма* (наряду с *плóйма*) ж.р. ‘множество чего-л.; гуляка, бездельник’ (Сл. паўн.-заход. Беларус. 4, 14);

укр. диал. *плійма* ж.р. ‘толпа, стая’ (Корзонюк. Мат. західноволин. 186), *пльїма* ‘уйма, тьма (о живых существах)’ (Лексика Полесья 57), блр. диал. *плій-ма* (наряду с *плóйма*) ж.р. ‘множество чего-л.’ (Сл. паўн.-заход. Беларус. 4, 14);

сюда же ст.-чеш. *plovto* нареч. ‘потоком’ (StěSl 16, 266); ср. еще ст.-русск. *плоимыи* прилаг. ‘относящийся к плаванию’ (ВМЧ, Окт. 1–3, 208. XVI в. ~ XII в.) (СлРЯ XI–XVII вв. 15, 97).

Существительное, производное с суф. *-ьta* от вариантных корней **plov-* / **plu-* / **ply-* глаголов **plovati* (см.), **ploviti* (см.), **pluti* (см.), **plyti* (см.).

Наиболее вероятна первичность формы **plovьta* с последующим преобразованием в сторону сближения с актуальными глаголами.

Относительно *-ьm-* > *-jm-* в **plovьta* см. **plovьba*.

5. **plovьba*: сербохорв. *plónba*, -у ж.р. ‘плавание’ (Porović; RJA X, 1, 87), словен. *plónba* ‘плавание’ (SSKJ III, 646); сюда же сербохорв. диал. *plôjba*, -е и *pjôjba* ж.р. ‘место, где капает и набирается вода’ (Dulčić. Brušk. 595), относительно *-ьb-* > *-jb-* ср. *plôjka* и *plovka* ‘детская игра в плоские округлые камешки’ (Iveković – Broz II: 48), ср. еще **plovьta* (см.); предложенная ранее авторская реконструкция (Варбот // Этимология 1986–1987, 62–63) основы **ploi-* должна быть отвергнута, но гипотеза о конечном происхождении из и.-е. гнезда **pel-* ‘наполнять, лить, течь’ (откуда и праслав. гл. **pluti*) остается в силе; по Скоку *plôjba* – заимств. вульг.-лат. *plqṽia* (Skok II, 687–688).

Сущ., производное с суф. *-ьba* от гл. **plovati* (см.), **ploviti* (см.) или от основы наст. вр. гл. **pluti*, **plovq* (см.).

Заключение

Формулировка профиля словаря – этимологический словарь славянских языков – обязывает включать в словарь толкования «непрозрачных» **исконных, хотя и вторичных производных**. Соответственно в статью о праслав. глаголе **plēti* ‘слабо гореть, тлеть’ включено как дополнение объяснение русск. диал. **плящий** ‘сильный, жгучий’ (чаще о морозе) как адъективированного действительного причастия **pletьjь*. Причастие, несомненно, праславянская форма, но адъектив – русская.

В словарь включена также реконструкция **pl'usati* на базе только кашуб. *plòsac* ‘извергать пену, слюну’, как интенсив от **pl'uti* < **pl̃vati* / **pl'ujq*, и **pl'udati* на базе русск. диал. **плюдѣть** ‘плевать’, также от **pl'uti* < **pl̃vati* / **pl'ujq*.

К подобным реконструкциям на базе единичных или редких этимологически непрозрачных лексем славянских языков, образованных от основ/слов

праславянского лексического фонда, относится вызывающая возражения у рецензентов и критиков ремарка «праслав. древность проблематична». Этимологизация вторичных производных предполагается самим названием словаря.

СПИСОК ИСТОЧНИКОВ

- БЕР — Български етимологичен речник. София, БАН. Т. I—VIII-. 1971— .
Фасмер М. Этимологический словарь русского языка / перевод с немецкого и дополнения О.Н. Трубачева. М.: Прогресс, 1964—1973. Т. I—IV.
ЭССЯ — Этимологический словарь славянских языков. Праславянский лексический фонд. Вып. 1—42 / под ред. О.Н. Трубачева (вып. 1—31), О.Н. Трубачева и А.Ф. Журавлева (вып. 32), А.Ф. Журавлева (вып. 33—39), А.Ф. Журавлева и Ж.Ж. Варбот (вып. 40), Ж.Ж. Варбот (вып. 41, 42). М.: Наука, 1974—2021.
ESJS — Etymologický slovník slovanských jazyků. Slova gramatická a zajmena. Sv. 1. Sest. Fr. Kopečný. Sv. 2. Sest. Fr. Kopečný, V. Šaur, V. Polák. Praha: Academia, 1973, 1980.
SP — Słownik prasłowiański / pod red. Fr. Sławskiego. T. 1—8, 11. Wrocław- Warszawa; Kraków; Gdańsk: Wyd. PAN, 1974—2023.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

- Варбот Ж.Ж. Праславянские диалектизмы, гапаксы славянских языков и относительная хронология лексики реконструируемого праславянского лексического фонда // Славянское языкознание. Доклады российской делегации. XVI Международный съезд славистов. Белград., 20—27 августа 2018. М., Институт русского языка им. В.В. Виноградова РАН, 2018. С. 35—40.
Крысько В.Б. Маргиналии к «Этимологическому словарю славянских языков» (вып. 34—38) // Вопросы языкознания. 2014. № 1. С. 110—119.
Куркина Л.В. Праславянские лексические диалектизмы восточнославянского словаря (по материалам ЭССЯ, вып. 1— 41) // Труды Института русского языка им. В.В. Виноградова. 2021. № 4. С. 128—153.
Проспект — Этимологический словарь славянских языков (праславянский лексический фонд). Проспект. Пробные статьи. М.: Изд-во АН СССР, 1963. 214 с.
Шапошиников А.К. Старые русские диалектизмы и лексикографические фантомы ЭССЯ // Лексический атлас русских народных говоров. Материалы и исследования. 2021. СПб.: ИЛИ РАН, 2021.
Berneker E. *Slavisches etymologisches Wörterbuch*. Heidelberg, 1908—1913.
Kopečný F. *Základní všeslovanská slovní zásoba* / spolupracovali: PhDr. Eva Havlová, CSc. PhDr. Hermína Plevačová, PhDr. Antonín Mátl. Academia. Praha, 1981.
Lewaszkiewicz T. *Hasła z gwiazdkami w Słowniku prasłowiańskim (1974—2001) pod redakcją Franciszka Sławskiego* // *Studia z filologii Polskiej i Słowiańskiej*, 55, 1—17.
Miklosich F. *Etymologisches Wörterbuch der Slavischen Sprachen*. Wien, 1886. 558 p.
Sadnik L., Aitzetmüller R. *Vergleichendes Wörterbuch der Slavischen Sprachen*. Wiesbaden: Harrassowitz, 1963—1970. 653 p.

Рукопись поступила в редакцию 28.02.2024

Рукопись принята к печати 30.05.2024

REFERENCES

- Berneker E. *Slavisches etymologisches Wörterbuch*. Heidelberg, 1908—1913.
Kopečný F. *Základní všeslovanská slovní zásoba* / spolupracovali: PhDr. Eva Havlová, CSc. PhDr. Hermína Plevačová, PhDr. Antonín Mátl. Academia. Praha, 1981.
Krys'ko V.B. Marginalii k «Etimologicheskomu slovari slavianskikh iazykov» (vyp. 34—38). *Voprosy iazykoznanii*, 2014, no. 1, pp. 110—119. (In Russ.)
Kurkina L.V. Praslavijskije leksicheskie dialektizmy vostochnoslavianskogo slovaria (po materialam ESSIA, vyp. 1—41). *Trudy Instituta russkogo iazyka im. V.V. Vinogradova*, 2021, no. 4, pp. 128—153. (In Russ.)
Lewaszkiewicz T. *Hasła z gwiazdkami w Słowniku prasłowiańskim (1974—2001) pod redakcją Franciszka Sławskiego*. *Studia z filologii Polskiej i Słowiańskiej*, 55, 1—17.
Miklosich F. *Etymologisches Wörterbuch der Slavischen Sprachen*. Wien, 1886, 558 p.
Prospekt — *Etimologicheskii slovar' slavianskikh iazykov (praslavijskii leksicheskii fond)*. *Prospekt. Probnyje stat'ji*. Moscow, Izd-vo AN SSSR Publ., 1963. 214 p. (In Russ.)

- Sadnik L., Aitzetmüller R. *Vergleichendes Wörterbuch der Slavischen Sprachen*. Wiesbaden, Harrassowitz Publ., 1963–1970, 653 p.
- Shaposhnikov A.K. Staryje russkije dialektizmy i leksikograficheskiye fantomy ESSIA. *Leksicheskii atlas russkikh narodnykh govorov. Materialy i issledovaniia*. 2021, St. Petersburg, ILI RAN Publ., 2021, pp. 587–602. (In Russ.)
- Varbot Zh.Zh. Praslavianskije dialektizmy, gapaksy slavianskikh iazykov i otnositel'naia khronologiya leksiki rekonstruirovannogo praslavianskogo leksicheskogo fonda. *Slavianskoje iazykoznanije. Doklady rossiiskoi delegatsii. XVI Mezhdunarodnyi s'jezd slavistov*. Belgrad., 20–27 avgusta 2018. Moscow, Institut russkogo iazyka im. V.V.Vinogradova RAN, 2018, pp. 35–40. (In Russ.)

Received on 28.02.2024

Accepted on 30.05.2024

Информация об авторе:**Варбот Жанна Жановна**

доктор филологических наук, зав. отделом
Институт русского языка им. В.В. Виноградова
Российской академии наук
г. Москва, Российская Федерация
ORCID: 0000-0002-9783-4292
E-mail: zhannavarbot@yandex.ru

Information about the author:**Zhanna Zh. Varbot**

DSc. (Philology), Head of the Department
V.V. Vinogradov Russian Language Institute,
Russian Academy of Sciences
Moscow, Russian Federation
ORCID: 0000-0002-9783-4292
E-mail: zhannavarbot@yandex.ru